

Быть баском: возможна ли идентичность без государственности?

Юлия Николаевна Фролова (р. 1989) – доцент кафедры политологии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Феномен идентичности представляет собой весьма устойчивую часть политического контекста: национальные государства и прежде, и теперь выстраивают свои официальные нарративы вокруг общих смыслов и символов, истоки которых извлекаются ими из исторического прошлого. Противонаправленные процессы универсализации и фрагментации мира порождают довольно причудливые разновидности идентичностей, которые, сталкиваясь иногда между собой, способны провоцировать конфликты и трансформации. Занимаясь вопросом о том, откуда берется идентичность, принято опираться на один из нескольких широких подходов. Если примордиализм рассматривает ее как изначально укорененную, почти биологическую данность, а конструктивизм видит в ней продукт социального творчества, складывающийся под влиянием исторических и политических практик, то инструментализм исходит из того, что первостепенным для идентичности является не происхождение, а использование в социальной мобилизации¹.

В современных исследованиях миротворчества не раз указывалось, что утверждение идентичности способно провоцировать антагонизмы: «сборка» групповых дискурсов нередко подкрепляется культивацией конфликтных нарративов, противопоставляющих общности друг другу². Результатом этого иногда становится этос непрекращающейся борьбы за преодоление уязвимости – «идентичность угнетенного», выступающая маркером социальной фрагментации. Последняя в свою очередь способствует вызреванию дихотомии «жертва – агрессор», расшатывающей общественную целостность³. Преодолевая подобные ситуации, социумы формируют механизмы правосудия переходного периода, задача которых сводится к формированию на основе разрозненных субидентичностей

- 1 Подробнее см.: СМИТ Э. *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма*. М.: Праксис, 2006.
- 2 См.: SINGH S. *Can We Forgo Our Attachments to Socially Constructed Identities?* // MAIANGVA B. (Ed.). *The Paradox(es) of Diasporic Identity, Race, and Belonging*. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 23–44.
- 3 См.: BOBOWICK M., ARNOSO-MARTÍNEZ M., RUPAR M., ARNOSO-MARTÍNEZ A. (Eds.). *Collective Memory in the Basque Country: The Interplay Between Construals of Victimhood and Perpetratorship* // LÓPEZ LÓPEZ W., TAYLOR L. *Transitioning to Peace Promoting Global Social Justice and Non-violence*. Cham: Springer, 2021. P. 95–97.

единой и общей идентичности, устраняющей разломы по линии «свои – чужие». Отдельное место отводится идентификации непризнанных территорий и регионов, ведущих борьбу за самоопределение. Здесь можно столкнуться со множественностью идентичностей, которые определяются самопризнанием в качестве части государства (*de jure* или *de facto*), региона, социальной общности и так далее.

В современной политической науке привычной отметкой, с которой начинается любой дискурс об идентичности, служит национальная идентичность – аксиоматично референтное понятие, предшествующее любым дебатам, посвященным интересующей нас теме⁴. Последствия такого положения вещей двойственны. С одной стороны, в любых иных формах идентичности можно видеть угрозу эталонному варианту, что влечет за собой соответствующую реакцию. С другой стороны, с момента появления первых национальных идентичностей мир сильно изменился, в результате чего государства-нации перестали быть эксклюзивно значимыми субъектами международных отношений. Например, социолог и экономист Саския Сассен выделяет категории постнациональных идентичностей, которые сейчас соседствуют с классической национальной формой: в ее перечне оказываются идентичности наднациональные (прежде всего европейская, возникшая в ходе формирования Европейского союза – ЕС), а также политические, диаспоральные, миграционные⁵.

Нынешнее разнообразие форм позволяет говорить о возникновении множественной идентичности: региональной, этнической, национальной, наднациональной, в которой все компоненты существуют рядом и одновременно⁶. Совсем недавно много говорилось о «размывании суверенитета» – но не получится ли так, что и судьба идентичности окажется такой же? Парадоксальным образом этот вопрос не имеет ответа, который устроил бы всех: несмотря на нынешнюю «флюидность» идентичности, политические акторы продолжают утверждать, отстаивать, добиваться ее – видя в ней базис своих ценностных систем⁷. Один из подобных примеров предлагают баски.

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

БЫТЬ БАСКОМ: ВОЗМОЖНО
ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЗ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

4 Линченко А.А., Сыров В.Н., Головашина О.В. *Проблема постнациональной идентичности: к историографии вопроса* // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 79.

5 Там же. С. 81.

6 ARETXAGA B., DWORKIN D., GABILONDO J., ZULAIKA J. (Eds.). *Empire & Terror: Nationalism/Postnationalism in the New Millennium*. Reno: Center for Basque Studies – University of Nevada, 2004. P. 29.

7 DOUGLASS W., WHITE L., ZULAIKA J., URZA C. (Eds.). *Basque Politics and Nationalism on the Eve of the Millennium*. Reno: Center for Basque Studies – University of Nevada, 1999. P. 27.

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

БЫТЬ БАСКОМ: ВОЗМОЖНА
ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЗ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

ИДЕНТИЧНОСТЬ ИСПАНСКИХ БАСКОВ

Баскская идентичность – что бы мы под ней ни подразумевали – формировалась в условиях подъема сепаратистских движений разнообразной интенсивности и направленности. Обозначая каналы, через которые происходил генезис баскской идентичности, можно выделить три основных: исторически укорененное национальное чувство, политика баскских партий, социальный активизм⁸. В случае Испании сепаратизм был выражен заметно ярче, чем в случае Франции: так получалось за счет противоборства местных басков и испанского государства, особенно жесткого при диктатуре Франсиско Франко, когда баскские культура и язык подавлялись властью. Этот конфликт в тех или иных формах сохранялся и после демократического транзита, начавшегося в 1975 году. Несмотря на то, что исторически сама идентичность трансформировалась, традиционные критерии «баскости» долгое время оставались неизменными: главнейшими среди них считались рождение в Стране басков, наличие баскских предков и знание языка эускера⁹. Но сегодня дело выглядит несколько иначе: из-за появления крупных и активных баскских диаспор в разных частях света, прежде всего в Северной и Южной Америке, а также углубления интеграционных процессов в Европе «быть баском» в наши дни – это прежде всего считать себя таковым. Баскская идентичность становится все более инклюзивной: даже если некоторые ключевые элементы (например владение языком) понемногу вытесняются на периферию, освоение культуры и следование традициям уже позволяет человеку считать себя – и считаться! – баском¹⁰. Одновременно формируется то, что можно назвать гибридной идентичностью: наряду с баско-испанцами появились баско-аргентинцы, баско-американцы и так далее. По мнению испанского историка и антрополога Хулио Каро Бароха, вопрос о том, удалось ли баскским территориям Испании сформировать национальную общность, обособленную от прочих народов полуострова, и в наши дни не утратил актуальности¹¹. Отвечают на него по-разному: с одной стороны, автономистская риторика исходит из наличия баскского единства, сложившегося еще в Средневековье и впоследствии нарушенного внешними силами; с другой стороны, так называемые «централисты» отрицают такую позицию,

8 См.: ZABALO J., FILIBI I., SAN-EPIFANIO L. (Eds.). *Made-to-measure Future(s) for Democracy? Views from the Basque Atalaia*. Cham: Springer, 2023.

9 TOTORICAGÜENA G. P. *Identity, Culture, and Politics in the Basque Diaspora*. Reno: Center for Basque Studies – University of Nevada, 2004.

10 Ibid. P. 5.

11 КАРО БАРОХА Х. *Баски*. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 137.

утверждая, что права и законы басков были не чем иным, как сугубо королевской милостью.

Один из ключевых «двигателей» утверждения идентичности – язык. Баскский язык, не принадлежащий ни к одной из известных языковых семей, является уникальным. Эускара – единственный язык такого типа в Западной Европе, поэтому неудивительно, что именно вокруг него строятся все идентичностные и национальные дискурсы Страны басков. Исторически консолидация зоны расселения басков шла как раз через язык; именно поэтому его первое название (*Euskal Herria*) означает «землю, где говорят на баскском языке». Первые упоминания этого термина встречаются еще в XVI веке¹². Название оставалось общеупотребительным до появления фигуры Сабино Араны – разработчика идеологии баскского национализма. Именно он изобрел термин *Euzkadi*, который был призван противопоставить идее «баскости» через язык идею «баскости» через кровные узы¹³ («баскской расе» в этой идеологии отводилось важнейшее место¹⁴). Попытка найти обобщающее имя для всех басков актуальна и по сей день: так, баскский писатель Бернардо Ачага, труды которого переведены и на русский, предложил термин *Euskal Hiria* – «баскский полис», подчеркнув таким образом значимость исторически сложившихся в Стране басков практик политического самоуправления¹⁵.

Стоит обратить внимание на то, что баскскому языку приходится конкурировать с другими, более распространенными языками. Как отмечает Каро Бароха, двуязычие практиковалось басками с древних времен – баскский был для них основным, но некоторые романские языки использовались национальными властями в официальном делопроизводстве¹⁶. В настоящее время исследователи фиксируют любопытный тренд, противопоставляющий в указанном отношении друг другу испанских и французских басков: если на испанской территории доля баскского населения, владеющего двумя языками, неуклонно растет, то на французской она, напротив, столь же последовательно снижается¹⁷. В значительной мере это объясняется различиями в языковой политике двух государств, поскольку Испания начиная с 1975 года поэтапно признавала местные языки своих

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

БЫТЬ БАСКОМ: ВОЗМОЖНА ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЗ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

12 SALABURU P., ALBERDI X. (Eds.). *The Challenge of a Bilingual Society in the Basque Country*. Reno: Center for Basque Studies – University of Nevada, 2012. P. 13.

13 Ibid. P. 15.

14 Фролова Ю.Н. *Мозаика баскского сепаратизма* // Неприкосновенный запас. 2023. № 2(148). С. 285–298.

15 АТХАГА В. *Otra mirada* (www.atxaga.eus/testuak-textos/otra-mirada).

16 КАРО БАРОХА Х. *Указ. соч.* С. 147.

17 SALABURU P., ALBERDI X. (Eds.). *Op. cit.* P. 29; *Tablas estadísticas. Población de 2 y más años de la C.A. de Euzkadi por la zona de residencia y el nivel global de euskera, según el territorio histórico y el sexo*. 2021 (https://es.eustat.eus/elementos/ele0020800/41-poblacion-de-2-y-mas-anos-de-la-ca-de-euskadi-por-la-zona-de-residencia-y-el-nivel-global-de-euskera-segun-el-territorio-historico-y-el-sexo/tbl0020885_c.html).

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

БЫТЬ БАСКОМ: ВОЗМОЖНА
ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЗ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

автономий, в то время как Франция до 2008-го не обращалась к механизмам защиты региональных языков. Другим моментом, осложняющим формирование единой лингвистической идентичности, остается проблема баскских диалектов. Несмотря на относительно небольшое количество говорящих на языке эускера (таковых всего около миллиона), баскский язык неоднороден. Был период, когда баскская диалектология насчитывала до восьми разновидностей языка; согласно последней ее версии, сегодня наличествуют шесть его версий¹⁸.

Из-за появления крупных и активных баскских диаспор в разных частях света, прежде всего в Северной и Южной Америке, а также углубления интеграционных процессов в Европе «быть баском» в наши дни – это прежде всего считать себя таковым.

Крупные исторические события, в которые была вовлечена нация, тоже оказывают влияние на формирование идентичности. В случае с испанскими басками речь идет о периоде террора, развязанного группировкой ЭТА (*Euskadi Ta Askatasuna* – ЭТА). Процесс построения коллективной памяти еще не завершен, но уже очевидно появление «ролевой» или «ситуативной» идентичности, проявляющей себя как конструктивно, так и деструктивно: это идентичность, построенная на травме («жертва ЭТА» или «жертва репрессий»), предполагающая отождествление себя с одной из сторон конфликта. В указанном контексте развивается и так называемая конкурентная виктимность: каждая группа подчеркивает уникальную значимость собственных страданий («наши жертвы важнее»), что заметно усиливает размежевание в баскском обществе¹⁹.

Заметную роль в создании баскской идентичности играют зарубежные баскские диаспоры. Основная их часть сложилась в период франкизма, когда политические лидеры Страны басков и активисты сепаратистских движений вынуждены были покинуть родные земли и обосноваться за океаном. Теория транснационализма объясняет, как формируется идентичность в таких ситуациях: она не статична и складывается из множества «слоев», образуя комплексное целое, в котором сплавлены страна исхода и страна проживания (баско-американец)²⁰. Диаспоры стремятся сохранять баскские символы, фольклор

18 SALABURU P., ALBERDI X. (Eds.). *Op. cit.* P. 77.

19 BOBOWICK M., ARNOSO-MARTÍNEZ M., RUPAR M., ARNOSO-MARTÍNEZ A. (Eds.). *Op. cit.* P. 91–101.

20 TOTORICAGÜENA G.P. *Basque Diaspora: Migration and Transnational Identity*. Reno: Center for Basque Studies – University of Nevada, 2005. P. 429.

и традиции (например ношение национального костюма), которые на родине зачастую уже считаются устаревшими или декоративными. Жизнь баскских диаспор чаще всего деполитизирована: рождающаяся в них общность основывается на культуре и истории, а не на политических реалиях и сепаратистских сантиментах. Уникальной характеристикой баскской диаспоры в XXI веке стало формирование глобальной сети: прогресс цифровых коммуникаций позволяет продвигать «супранациональную» идентичность, не зависящую от географической локации²¹.

Важно иметь в виду, что круг эмпирических источников, снабжающих нас достоверными знаниями об идентичности, ограничен социологическими опросами, в ходе которых испанским гражданам предлагается охарактеризовать свою самоидентификацию. Региональное правительство Страны басков с 1995 года регулярно проводит исследование, включающее вопросы на эту тему; в частности, в июле 2025-го 41% граждан региона выбирал опцию «как баск, так и испанец», 24% – «скорее баск, чем испанец», 19% – «только баск» (прочие варианты не превышали 6%)²². В целом подобное распределение воспроизводится последние восемь лет; до этого доля «только басков» была значительно выше, не превышая тем не менее доли приверженцев двойной идентичности.

Интересный подход к баскской идентичности предложил бывший президент Страны басков Хуан Хосе Ибарретче. По его мнению, баскская модель общества с присущими ей сильным самоуправлением и долгой борьбой за самоутверждение служит уникальной средой, поощряющей популярное в современном мире устойчивое развитие – тот модус человеческого существования, при котором качество жизни людей повышается при постепенной минимизации их негативного воздействия на окружающую среду²³. Доказывая свой тезис, этот политик ссылается на высокие показатели продолжительности жизни и среднедушевого дохода, отличающие Страну басков, особенно после вхождения Испании в Европейский союз²⁴. Встраивание идентичности в эту конструкцию может показаться несколько надуманным, но, как подчеркивает Ибарретче, именно выраженные идентификационные плюсы позволяют наиболее успешным странам устойчиво развиваться в высококонкурентной среде²⁵. Одной из самых выигранных черт баскской иден-

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

БЫТЬ БАСКОМ: ВОЗМОЖНА
ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЗ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

21 Ibid. P. 431.

22 *Sociómetro Vasco 86. Gobierno Vasco* (www.euskadi.eus/gobierno-vasco/-/documentacion/2025/sociometro-vasco-86/).

23 IBARRETXE J. *The Basque Experience: Constructing Sustainable Human Development*. Reno: Center for Basque Studies – University of Nevada, 2015. P. 65.

24 Ibid. P. 66.

25 Ibid. P. 69.

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

БЫТЬ БАСКОМ: ВОЗМОЖНА
ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЗ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

тичности в этом контексте изображается дух предпринимательства, приписываемый этносу на протяжении всей его исторической эволюции. Членство же в ЕС придало новый импульс развитию баскской идентичности: оно позволяет Стране басков, с одной стороны, ослабить зависимость от Мадрида, а с другой стороны, обеспечить себе более высокий уровень самоуправления и представительства внутри «Европы регионов». В последние десятилетия баскские политические деятели активно настаивают на развитии европейских межрегиональных связей, видя в этом путь к прямому взаимодействию с Европой в обход Мадрида²⁶.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ФРАНЦУЗСКИХ БАСКОВ

Французские территории баскского расселения развивали свою идентичность иначе: здесь не было резких кризисов и насильственных перемен, а потому изменения проходили значительно мягче и последовательнее. Во Франции фуэрос – традиционные баскские вольности – были отменены намного раньше, чем в Испании, еще за век до появления Араны, а «баскость» зачастую сводилась к культурным и языковым традициям, нередко воспринимаясь как что-то архаичное²⁷. Революционные потрясения во Франции почти не сказались на эволюции местной баскской идентичности: как отмечают исследователи, общество Северной Страны басков, причем с верхов и до низов, весьма позитивно восприняло революцию, возлагая на нее большие надежды. Прежде всего баски рассчитывали на упрочение своего самоуправления, однако в итоге эти надежды не оправдались²⁸. Примерно с начала XIX века все французское становится в глазах баскского общественного мнения символом прогресса и модерна, что ведет к формированию самобытной двойственной идентичности. В ее рамках с «большим отечеством» в лице Франции связывалось национальное будущее, а с «малым отечеством» в лице Страны басков ассоциировалась локальная историко-культурная принадлежность. По-видимому, применительно к этому периоду можно говорить даже о своего рода кризисе баскской идентичности: отсутствие локальных институтов, которые могли бы ее поддерживать, в сочетании с активным утверждением единой образовательной системы, воинской повинности, экономическим прогрессом и другими

26 Подробнее см.: DOUGLASS W., WHITE L., ZULAIKA J., URZA C. (Eds.). *Op. cit.*

27 GURRUTXAGA I. *Nacionalismo vasco e Iparralde: una historia de usos y abusos («о de cuando el hermano pequeño se hizo mayor»)* // Revista Vasca de Administración Pública. 2008. № 80. P. 291.

28 ИДЕМ. *The Transformation of National Identity in the Basque Country of France, 1789–2006*. Reno: Center for Basque Studies – University of Nevada, 2008. P. 55.

составляющими политической унификации Франции не способствовали укоренению «баскости». Более того, среди басков исторически утвердился католицизм, во времена секулярной Третьей республики подвергавшийся гонениям. При этом баскская культура и баскские традиции во Франции не подавлялись – просто юго-западная часть департамента Атлантические Пиренеи понемногу превращалась в своеобразный «живой музей»²⁹.

Исторически значимым элементом идентичности французских басков выступала их экономическая связь с сельскими пространствами и промыслами. Баскское скотоводство традиционно представляло собой не просто отрасль экономики, а целую социальную систему³⁰, в рамках которой выстраивались коллективные институты и отрабатывались практики взаимодействия. Акторами таких практик выступают группы пастухов (*cauolar*), которые, договариваясь между собой, формируют нормы сотрудничества и правила ведения хозяйства. Сельскохозяйственные продукты Страны басков – узнаваемые элементы бренда региона: среди наиболее ярких примеров можно упомянуть эспелетский перец и овечьи сыры. Однако баскская сельская идиллия неотвратимо сталкивается с вызовами экономического прогресса: ее подтачивают низкая маржинальность, отток молодежи в другие части Франции и Европы (Ипарральде, в отличие от испанской соседки, не может похвастаться заметными темпами экономического роста), превращение ферм в загородные дачи. Всему этому стараются противодействовать местные фермерские объединения, наиболее известным из которых остается Союз баскских фермеров (*Euskal Herriko Laborarien Batasuna – ELB*), созданный в 1982 году. Организация всеми силами пытается осовременить баскское сельское хозяйство, сплаывая в своей деятельности воедино баскскую территориальную принадлежность, защиту мелких хозяйств и солидарность с крестьянами мира³¹. Фактически она трансформирует баскскую идентичность из этнической в социально-экономическую.

С конца XX века, в том числе и благодаря процессам европейской интеграции, идентичность французских басков претерпевает изменения: она становится более гибридной. Незвизирая на сохраняющуюся значимость французского начала, баскская идентичность во Франции тоже начинает политизироваться: первоначально это происходит через самопризна-

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

БЫТЬ БАСКОМ: ВОЗМОЖНА ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЗ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

29 Ibid. P. 41.

30 GRAGSON T., COUGHLAN M. *The Social-Ecological Landscape of Herding on the High Mountain Commons of Larrau in the Western Pyrenees (France)* // *Frontiers in Human Dynamics*. 2024. Vol. 6 (www.frontiersin.org/journals/human-dynamics/articles/10.3389/fhumd.2024.1359845/full).

31 ИТЦАИНА Х. *Entre christianisme et altermondialisme: le syndicat paysan basque ELB* // *Études Rurales*. 2005. Vol. 3. № 175-176. P. 196.

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

БЫТЬ БАСКОМ: ВОЗМОЖНА
ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЗ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

ние территории баскского расселения отдельным социальным пространством, а затем посредством требований учредить для басков собственный департамент³². В целом этот тренд едва ли можно считать специфически баскским, поскольку региональная идентичность важна и для других французских регионов³³. Однако сами корреляции между региональной и европейской идентичностями, обнаруживаемые исследователями, в баскском случае и в прочих случаях выглядят по-разному, позволяя говорить, что баски во Франции действительно стоят особняком. С одной стороны, в их среде культурная идентичность региона чаще связывалась с евроскепсисом, поскольку «большая Европа» воспринимается в качестве угрозы региональной самобытности. Но, с другой стороны, политизация региональной идентичности – например, желание обзавестись собственным департаментом, – наоборот, стимулирует у басков поддержку евроинтеграции, так как она потенциально расширяет спектр возможностей, открывающихся перед региональными акторами, в том числе за счет принципа субсидиарности. Такой динамике способствует и то обстоятельство, что современная Франция, взятая в целом, является государством с чрезвычайно богатой этнической композицией – намного более сложной, чем во многих других государствах Западной Европы. К настоящему моменту идентичность французских басков эволюционировала от ассимиляции с французской нацией и культурного «баскизма без политики» до гибридной модели «Pays Basque», для которой характерны нарастающая политизация и требование институционального признания – без отказа от принадлежности к Франции.

Баскская культура и баскские традиции во Франции не подавлялись – просто юго-западная часть департамента Атлантические Пиренеи понемногу превращалась в своеобразный «живой музей».

Недавние социологические опросы подтверждают нарастающие регионалистских сантиментов как во Франции в целом, так и в областях, которые имеют давнюю историю борьбы за самоопределение³⁴. При этом значительное падение демонстрирует самоидентификация граждан с Европой (5% в 2025 году

32 GURRUTXAGA I. *The Transformation of National Identity in the Basque Country of France, 1789–2006*. P. 304–306.

33 BRIGEVICH A. *Regional Identity and Support for Europe: Distinguishing Between Cultural and Political Social Identity in France* // *Regional & Federal Studies*. 2016. Vol. 26. № 4. P. 488.

34 *Radioscopie du régionalisme en 2025* (www.ifop.com/wp-content/uploads/2025/08/121688_radioscopie_du_regionalisme_en_2025_ifop_rps_2025.08.18_compressed.pdf).

против 12% в 2001-м). Доли же тех, кто считает себя преимущественно баском или французом, примерно равны («только баски» – 32%, «только французы» – 38%); отметим, что крепче региональная идентичность только на Корсике и в Бретани (54% и 34% соответственно). Любопытно, однако, что даже при укорененной региональной идентичности и приверженности родной культуре уровень понимания национального языка среди французских басков остается крайне низким – всего 15%. Соответственно, в указанном отношении французские баски принципиально отличаются от испанских, для которых эускера по-прежнему выступает неотъемлемой частью идентичности. Вместе с тем низкий уровень владения баскским языком не мешает жителям баскских территорий Франции энергично поддерживать его преподавание в учебных заведениях³⁵. Кроме того, они желают своему языку и официального признания, чему Французская Республика не очень рада: лишь в 2008 году французское законодательство выделило региональные языки в особую группу. Их изучение, впрочем, не стало от этого обязательным. (До того момента наличие и языков подобного типа, и самих региональных этнических меньшинств во Франции фактически отрицалось³⁶.)

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

БЫТЬ БАСКОМ: ВОЗМОЖНА ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЗ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

* * *

Ключевые вызовы, с которыми сталкивается сегодня баскская идентичность во Франции и Испании, связаны, с одной стороны, с институтами, а с другой стороны, с языком. Баскский язык, несмотря на выраженное стремление защитить и институционализировать его, сталкивается с объективными препятствиями, диктуемыми современной жизнью. Для басков, живущих в обеих странах, карьерное продвижение, «социальные лифты», выход на международную арену во все большей степени обусловлены изучением более употребимых языков – испанского и французского. Носителям языка эускера и в Испании, и во Франции приходится выбирать: либо следовать «заветам отцов», либо ориентироваться на свои практические интересы. Что же касается институциональных вызовов, то они в двух государствах выглядят по-разному. Французских басков травмирует отсутствие собственной административной единицы, препятствующее укреплению их идентичности, и, несмотря на определенные изменения к лучшему, до создания баскского

35 *Décentralisation, identité territoriale, revendications... Le régionalisme français à l'épreuve du temps* (www.ifop.com/article/decentralisation-identite-territoriale-revendications-le-regionalisme-francais-a-lepreuve-du-temps/).

36 DOUGLASS W., WHITE L., ZULAICA J., URZA C. (Eds.). *Op. cit.* P. 159.

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

БЫТЬ БАСКОМ: ВОЗМОЖНА
ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЗ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

департамента во Франции пока далеко. В Испании такая территориальная единица не только имеется, но и располагает весьма широкими полномочиями, что, однако, создает новые проблемы. Партия «Единство Страны Басков» («EH Bildu»), заметно укрепившая свою электоральную базу на последних региональных выборах, приняла идейное наследие группировки ЭТА – в том числе и фактическую монополизацию последней нарратива «баскости». Если она попытается и дальше идти путем своей предшественницы, то столкнется с противодействием, ибо нынешняя баскская политика, сделавшаяся более плюралистичной, не похожа на политику прежних дней.

Носителям языка эускера и в Испании, и во Франции приходится выбирать: либо следовать «заветам отцов», либо ориентироваться на свои практические интересы.

В заключение стоит подчеркнуть, что идентичность в современном мире сохраняет свою значимую роль – несмотря на глобализацию и подталкиваемую ею трансформацию государственности. «Постнациональная конфигурация» формирует новые уровни политического самосознания, соседствующие с классической национальной самоидентификацией. Идентичность больше не является фиксированной категорией, а выступает результатом динамических процессов конструирования и переосмысления. Баскский случай иллюстрирует этот парадокс особенно ярко. Само переживание «баскости» прошло путь от культурной архаики и этнической предзаданности к гибридной модели, сочетающей региональное, национальное, европейское измерения. Язык и символы в новом контексте сохраняют центральное значение, но их роль все чаще оказывается не биологически predetermined, а социально сконструированной – и потому весьма гибкой. Иначе говоря, баскская идентичность, как и многие другие региональные идентичности Европы, подтверждает вывод Энтони Смита о том, что идентичность служит не только источником самоопределения, но и инструментом политической мобилизации, а ее преобразование становится индикатором глубинных изменений в международном и национальном порядке.